

ТАКЕ ИТ ЕАСУ или ХРОНИКИ
ЛЫСОГО АРХИТЕКТОРА

АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ
ЕЛЕНА МИЩЕНКО

ДОКУМЕНТЫ ЗАБЫТОЙ ПАМЯТИ



КНИГА 4

Эта серия книг посвящается архитекторам и художникам — шестидесятникам.

Удивительные приключения главного героя, его путешествия, встречи с крупнейшими архитекторами Украины, России, Франции, Японии, США. Тяготы эмиграции и проблемы русской комьюнити Филадельфии. Жизнь архитектурно-художественной общественности Украины 60-80х годов и Филадельфии 90-2000х годов. Личные проблемы и творческие порывы, зачастую веселые и смешные, а иногда грустные, как сама жизнь. Архитектурные конкурсы на Украине и в Америке. Книгу украшают многочисленные смешные рисунки и оптимизм авторов.

Серия состоит из 15 книг, связанных общими героями и общим сюжетом.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

Александр Штейнберг Елена Мищенко ДОКУМЕНТЫ ЗАБЫТОЙ ПАМЯТИ

АСПИРАНТУРА

Пришла пора выбора темы диссертации. У меня было два руководителя. Одним из них был великолепный Евгений Иванович Катонин, бывший академик, заведовавший в прошлом кафедрой графики Академии художеств. Он был отличным художником, мастером литографии, блестящим графиком. До войны он проектировал и строил в Ленинграде, писал декорации для Александрийского театра. Вторым моим руководителем был Александр Иванович Маринченко — специалист по школам и пчелам.

Когда я предложил им тему «Солнце в архитектуре» — это не вызвало у них восторга. Вежливый Евгений Иванович сказал, что в этих делах он не особенно осведомлен, но, в принципе, не возражает. Александр Иванович повторил то же самое. В консультанты я попросил заведующего кафедрой медицинского института Семена Семеновича Познанского — человека увлекающегося и широко эрудированного.

Первое свидание Познанский назначил мне в Мединституте на Пушкинской, в помещении музея истории медицины. Я пришел в Мединститут за десять минут до назначенного времени и был поражен обстановкой. Кафедры института в те годы были разбросаны по всему городу. Многоэтажный корпус, в котором мне было назначено свидание, был переделан из доходного жилого дома. Я сразу же попал на широкую темную лестницу, на которой меня встретила страшная вонь. В подвале здания, как я потом узнал, располагался виварий, который и создавал соответствующее амбре. Я поднялся во мраке на четвертый этаж и подошел к нескольким студентам, курившим на лестничной площадке.

— Будьте добры, — вежливо спросил я одного из них, — Вы не подскажете, где находится музей истории медицины?

— Минутку. Вася! — прокричал он. — Ты не знаешь, где музей истории медицины?

— А тебе зачем? — спросил любознательный Вася.

— Да тут один экспонат интересуется.

Начало было мало обнадеживающим. Все же с помощью Васи и его приятеля мне удалось найти музей, а в нем Семена Семеновича. Так начались мои контакты с медиками.

Впоследствии все гигиенические кафедры перевели в новый корпус на Брест-Литовский

проспект. Я еще в институте проходил практику на строительстве этого здания. Позднее сменился ректор, и новый ректор-гигиенист сделал грандиозный ремонт с помощью лучших альфрейщиков города Киева. Особенно меня тронул большой холл третьего этажа, где на стенах в роскошных рамах висели портреты знаменитых врачей: Пирогова, Сеченова, Павлова и... самого ректора.

Я проводил все вечера в библиотеках. Разработал методику расчета солнечного облучения, что очень понравилось медикам, так как они не очень увлекались математикой, изучил методы, придуманные архитекторами различных стран и, наконец, разработал собственные инструменты, которые после длительного и бурного обсуждения с Семеном Семеновичем мы назвали «солнечными транспортирами».

С помощью своих транспортиров я за считанные минуты мог определить движение солнца по помещению. Семен Семенович был в восторге, но взял с меня слово, что я все это буду держать в секрете до публикации.

Нужно было знакомиться со своими коллегами по тематике. В Киеве их было всего двое, и я их знал еще по институту. Я решил поехать на поклон в Москву — законодательницу мод по всем научным темам. Перед поездкой в

институт строительной физики я заготовил письмо от заместителя директора нашего института. Этот пост тогда занимал известный архитектор Михаил Игнатьевич Гречина — автор Киевского центрального стадиона. Я зашел к нему с письмом.

— А, Саша, заходи, заходи, — встретил он меня. — Как движется наука? Что это за письмо? Едешь в Москву к коллегам? Похвально. Сейчас мы его мигом подпишем.

Он выхватил из кармана толстенный цанговый карандаш, который мы в институте называли «примус», и размашисто расписался на полстраницы.

— Михаил Игнатьевич, а разве можно карандашом?

— Какая разница! Дунаев тоже архитектор. Ему это понравится.

Получив от Семена Семеновича еще одно напутствие — ничего не показывать из своих разработок, я двинул в Москву. В Москве я понял, с чем связаны опасения Познанского.

Меня принял корифей инсоляционных дел Дунаев. Я показал ему письмо, подписанное Гречиной, с просьбой содействия. Он долго его читал, потом сказал:

— Спрячьте это письмо и никому не показывайте. Официальные письма карандашом не подписывают. Но раз вы уже приехали, я готов с

вами побеседовать. Как я понял, вы пишете диссертацию по инсоляции. Какие вопросы вас интересуют?

— Я слышал, что у вас разработан планшет для инсоляционных расчетов.

— О, это не основное. Разные специалисты делают различные инструменты. Это не столь важно. А я вот что вам скажу, молодой человек. Я сейчас начал заниматься очень актуальной темой. Изложу ее суть кратко. Солнце — единственный и основной источник нашей жизни. И, несмотря на это, в нашей научной литературе слово «солнце» пишется с маленькой буквы, как имя нарицательное, как будто у нас имеется большое количество солнц. Это в принципе неверно. Я уже подготовил большое обращение к российским лингвистам, и его подписали многие ученые, о необходимости перехода на написание слова солнце с заглавной буквы. Меня интересует поддержка других республик. Вот я бы и предложил вам заняться этим вопросом на Украине.

Я был ошарашен. Вот так научная проблема в институте строительной физики...

— А может, все-таки, я мог бы посмотреть работу ваших сотрудников по основной тематике?

— Конечно. Мы можем показать вам установку «искусственное небо», которая успешно работает у нас уже много лет.

— Спасибо. С этой установкой я знаком. Я ее с удовольствием посмотрю еще раз, но...

— Вот и чудесно. А если вам понадобятся наши консультации, милости прошу в любое время. Только привезите с собой официальное письмо, подписанное чернилами, в котором будет указана гарантированная оплата за консультации.

Мои инструменты остались у меня в сумке — обмен достижениями научной мысли, как и предсказывал Семен Семенович, так и не произошел. Деньги за московские консультации никто не хотел платить.

Моя первая публикация появилась в толстом сборнике института. Я был на подъеме — первое печатное слово. Статья была посвящена архитектурной климатологии. Редактор вручил мне верстку и при этом предупредил, что время на редактирование у них ограничено, так что каждый автор должен тщательно проверить каждое слово. Я был этим очень горд, внимательно несколько раз прочитал статью. Когда же вышел сборник, я купил десять экземпляров и принес его на работу, чтобы похвастаться. Показал я его и Ирме Бернардовне. Она, как человек обязательный, прочитала мою статью и спросила:

— А вы ее вычитывали?

— Конечно. А что, Ирма Бернардовна, есть какие-то сомнения?

— А вы почитайте вот здесь, — она указала ногтем.

— «Возьмем, например, новый корпус Политехнического института». Все верно.

— Читайте дальше.

— «Здание построено в Киеве на широте 50 градусов С».

— Вот видите! Мне казалось, что географическое положение населенного пункта определяется не градусами Цельсия, а градусами северной или южной широты.

Я был убит. Я считал, что в печатных трудах ошибки недопустимы.

Второй раз я отправился в Москву на конференцию по архитектурной климатологии. Конференцию проводили совместно архитектурные и гигиенические институты. Мне с моим выступлением удалось попасть в первый день конференции. Наученный горьким опытом и Семеном Семеновичем, я скромно умолчал о своих инструментах и рассказывал только о различных зарубежных приемах в этой области. Дунаевцы тоже не засвечивались. На второй день я в конференции не участвовал, так как моему приятелю Константину Страментову удалось организовать для меня встречу с корифеем архитектором Константином Степановичем Мельниковым.

На третий день выступали в основном инженеры. Первый из них делал доклад о движении в промышленных зданиях воздушных потоков, вызываемых щелями и неплотностями в стенах и окнах. Он вывалил огромное количество формул с интегралами, сигмами и прочими жуткими знаками.

После его доклада поднялся архитектор из Тбилиси и сказал:

— Мне очень поныравилось сообщений товарища Терентьева. Он так плотно знаком с аэродинамик, он знает так много про интеграл и дифференциал, что я просто переключаясь. Но у меня есть предложения. Может, мы просто заткнем эти щели и неплотность и не будем тогда писать все эти интегралы?

— А как же наука о воздушных потоках? — слабо парировал докладчик.

— Сушай, изучай свою науку на здоровье, а строители пусть строят аккуратно без всяких интегралов через щели, да?

Я понял, что с меня достаточно, и смылся погулять по Москве. Вечером на банкет я все-таки пришел, потому что определенная сумма была уже внесена. Банкет был весьма изобильным и веселым, он проходил в ресторане «Берлин». Провозглашались различные тосты за дружбу народов и дружбу профессий. Через час коллектив оказался весьма спаянным, без всяких щелей и

неплотностей. Я это особенно почувствовал, так как большую часть банкета провел на танцплощадке. В связи с тем, что банкет организовывали гигиенисты, женский состав банкета явно доминировал. Чины были забыты. После окончания банкета я оказался на улице с заместителем директора одного из институтов — весьма миловидной москвичкой. Она была уже в несколько приподнятом состоянии и предложила пройти пешком.

Новизна обстановки и определенное количество горячительных напитков возымели свое действие. Я был в ударе и с увлечением рассказывал различные удивительные вещи об экзотических японских церемониях, почерпнутые из журнала «Japan Architect».

— Вы японский тоже знаете? — с большим удивлением осведомилась моя попутчица.

— Почему тоже?

— Вы рассказывали о работах немецких, французских, американских ученых.

— Японский знать не обязательно, — выкрутился я. — Все материалы японских ученых публикуются на английском.

О своих скромных знаниях английского я не стал распространяться.

— У вас нет желания пройти пешком до следующей станции метро?

Конечно, мне не хотелось расставаться, но тут возникла непредвиденная ситуация.

— К сожалению, у меня кончились сигареты, а сейчас их негде купить, так что придется ехать в гостиницу, но я хочу взять ваши координаты и попросить вас о встрече.

— Ну, сигареты это не проблема, — она засмеялась и, с легкостью москвички без комплексов, стрельнула у ночных прохожих полпачки сигарет.

— Я надеюсь, этого вам хватит на первое время, и у вас не будет повода удирать.

Я вернулся к описанию японских церемоний и развлечений самураев. Когда я дошел до описания приемов харакири, она прижалась ко мне, очевидно, от страха. К часу ночи мы подошли к станции метро, и тут она сказала:

— Мне очень далеко ехать домой, а уже поздно. Я, очевидно, заночую у приятельницы. Она с семьей сейчас на даче, а живет тут рядом. Дома я предупредила. Да и вас, пожалуй, сейчас не пустят в гостиницу. Если хотите, пошли со мной. Я думаю, лишняя постель у нее найдется.

Перспектива провести ночь на улице была значительно менее заманчивой, чем провести ночь с милой дамой. Ее подруга жила, действительно, рядом, и квартира у нее была по тем временам роскошная. Обсуждение вопросов инсоляции и

японских обычаев настолько затянулось, что на следующий вечер мне пришлось хватать такси, мчаться в гостиницу за вещами, и я еле успел к девяти на первый поезд к Киевскому вокзалу. Я спешил — в Киеве меня ждал очередной конкурс.

ТРЕТИЙ REPRESENTATIVE



В начале моей филадельфийской жизни я тоже принимал участие в конкурсах. В один из них меня втянула наша преподавательница английского — американка Марча. Слова *competition* и *show* я знал, но все остальное я не понял. Тем не менее я начал сразу отбиваться от ее предложения принять участие в этом мероприятии, так как никакого отношения к эстрадной деятельности не имел. Слово *poster* я представлял себе как нечто съедобное. После долгих объяснений на пальцах до меня доехало, что *poster* — это плакат. Оказалось, что перед каждым ежегодным шоу цветов в Риттенхауз-сквере проходит конкурс плакатов этого шоу. Конкурс проводится чисто по-американски. Всем участникам, вне зависимости

от их подготовки и творческих порывов, выдается планшет с нарисованным в одну линию плакатом и предлагается его раскрасить.

Плакат мне не понравился, о чем я не преминул высказаться.

— I don't like it. May I change the drawing? — гордо сформулировал я.

— Go ahead. It's up to you.

Я перевел это как «Вперед! Знамя вам в руки!». На плакате я изобразил маленькую девочку и карапуза, вручающего ей букет. Плакат произвел на устроителей конкурса неизгладимое впечатление. Нас с супругой пригласили на роскошное парти, где происходил аукцион премированных плакатов. Парти проходило во дворе одного из богатых особняков в центре города. Хозяин, господин Бамбер, сам стоял за стойкой бара, сооруженной под развесистым кленом и лихо взбивал коктейли. Маленькие столики были уставлены блюдами с сырами, фруктами, бутербродиками, сладостями, всевозможными напитками. Когда гости слегка подзаправились, начался аукцион. Первым шел мой плакат как получивший главный приз. Цена его быстро росла и через 15 минут перевалила уже за 1500 долларов. Нас сфотографировали в обнимку с покупателем, престарелым бизнесменом, который радостно улыбался, демонстрируя все свои 32 белоснежных

новых зуба. Мы были счастливы, но, к сожалению, весьма недолго. Когда я поинтересовался, скоро ли будет чек, мне ответили, что чек выпишут сегодня, но не на мое имя, так как конкурс благотворительный. Я опять оказался благотворителем и опять узнал об этом последним.

На следующий год господин Бамбер предложил мне снова принять участие в этом конкурсе. При этом он произнес речь о несчастных больных детях, очень похожую на речь Остапа Ибрагимовича в квартире Елены Станиславовны. Но он говорил по-деловому, по-американски: «Нужно сделать донейшн для детского госпиталя, а ваш плакат привлечет спонсоров. Вы должны это сделать». Я не очень понимал почему именно я, при моих скромных достоинствах, должен оказывать эту помощь — но отказывать при такой постановке вопроса было неудобно.

На сей раз мне тоже дали первую премию, что никак не отразилось на моем бюджете, и я был приглашен на парти к организатору шоу — мадам Шварцбург. Я был удивлен тем, что парти было назначено в апартаментах (то бишь в квартире). Мы с супругой отправились за час до назначенного времени, так как апартаменты располагались далеко от нашего Норд-Иста. Когда мы, наконец, подкатили к дому, где жила мадам Шварцбург, мы поняли, что это не совсем обычный жилой дом. У

входа нас встретили трое security. Один проверил пригласительные, второй попросил ключи от машины. Он и глазом не моргнул, увидев наш скромный Plimut Reliant среди роскошных машин. Третий повел нас к лифту через огромный вестибюль с мягкой мебелью и живыми цветами и передал из рук в руки лифтеру.

Апартаменты мадам Шварцбург оказались не квартирой, а penthouse. Чертог сиял! Он поражал своей роскошью, богатством и безвкусицей. На 22-м этаже, где был вход, размещалась целая анфилада помещений: холл, приемная, большая двухсветная гостиная, еще одна гостиная, family room, столовая, бар, кухонный блок и прочие службы. Все это большое пространство было насыщено самыми разностильными предметами. Тут была и мебель под старину, и современная столовая, и французский гобелен, и шторы из парчи, и современные солнцезащитные жалюзи, и японская ширма, и современная живопись, и реалистический портрет покойного хозяина в огромной раме. Чувствовалось, что дизайнер не утруждал себя стилевыми предрассудками. Мы были представлены хозяйке. На вид ей было лет 85, но говорили, что ей больше. Она мило улыбалась, но, если учесть наш скромный английский и ее абсолютную глухоту, нетрудно понять, что наша беседа носила весьма условный характер. Мы

хорошо похауарьюкали (поприветствовали друг друга) и понайсмитьюкали (порадовались встрече). Гости были одеты в вечерние костюмы, что в Америке мы встречали довольно редко, дамы сменили кроссовки на элегантные туфли. Между гостями сновали официанты с подносами, на которых красовались микросэндвичи и бокалы с вином. Кроме того, бармен предложил нам солидную карту напитков, но мы выбрали только джин с тоником, так как предстояла обратная дорога.

Две лестницы вели на верхний этаж, на котором размещались спальни, гостевые, restrooms — у нас это называлось совмещенные санузлы, но в Америке других не бывает (они не могут понять, почему туалетом нужно пользоваться в одной комнате, а руки мыть в другой). Здесь же находился просторный холл с еще одним баром и терраса, расположенная на плоской крыше. Терраса была большая — метров 150 с видом на Parkway и Museum of Art. Пол был покрыт шлифованными досками из светлого дерева.

В двухсветную гостиную выходили балконы со второго этажа. На одном из них играл скрипач (живая музыка очень модна). Музыку мало кто слушал, и, следует признаться, что мы тоже. Вдруг прозвучало что-то знакомое. Сначала среди классических рулад промелькнули «Подмосковные

вечера», потом «Утро красит нежным светом» — кто-то играл специально для нас, это было очень приятно. Мы подошли к скрипачу. Оказалось, что он русский, учится в Curtis Institute, но что беседовать не может, так как музыка должна звучать non-stop. Мы скромно стояли в уголке гостиной, вооружившись бокалами с джин-тоник и микросэндвичами. В это время мы почувствовали некоторое движение и увидели, что к нам стремительно направляется некий господин. На нем был отлично сшитый серый костюм, светлосерая рубашка, темносерый галстук и темносерые туфли. В общем, он был элегантен, как ливерная колбаса. Некоторую ливерность нарушал рыжий паричок. На лице сияла улыбка и, вообще, было видно, что он очень доволен собой.

— Мистер Блум, эторни, эскуайр, — представился он, и вручил свою визитку. — Я давно хотел с вами познакомиться. Я видел вашу выставку в синагоге Keneseth Israel. Great! Wonderful! Magnificent! (последовал ряд стандартных американских восторгов). Я знаю, как тяжело бывает художникам в новой стране, но я постараюсь помочь вам в вашем положении.

Я понял, что появился очередной репрезентатив. Я уже ждал обычного: «Я сделаю вас богатым и знаменитым».

— Я приложу все усилия, чтобы сделать вас богатым и знаменитым, — продолжал он. — Очень жаль, что со мной нет моей жены. Она очаровательная женщина и блестящий юрист. Она занимает ответственный пост на государственной службе. Скажу вам по секрету — она судья. Вам было бы очень интересно с ней познакомиться. Впрочем, я, кажется, что-то придумал! Мы вместе пообедаем. Дайте мне телефон, и мы созвонимся.

Мы не стали дожидаться окончания вечера, тем более, что аукцион носил для нас чисто теоретический характер. Машину нам подогнали сразу, как только мы вручили портье пластиковую карточку, полученную при входе. Домой мы отправились в отличном настроении, подогретые джином и хвалебными высказываниями мистера Блюма. Время было позднее, на 95-й дороге никаких пробок, и в ушах звенели «Подмосковные вечера».

Действительно, мистер Блум не заставил нас долго ждать. Он позвонил через два дня.

— Спешу вам сообщить, что мы с супругой просим вас вместе пообедать. Мы зарезервировали столик в одном из лучших итальянских ресторанов города, и, если вас устроит четверг 7 часов вечера, мы будем чрезвычайно рады.

Он дал нам адрес ресторана и объяснил direction. Это оказалось довольно далеко от нас — около часа езды, о чем я не преминул ему сказать.

— Поверьте мне, — ответил он, — это вызвано только тем, что мы выбирали лучший ресторан.

Впоследствии мы поняли, что это было вызвано только тем, что ресторан располагался рядом с домом, где жили Блюмы.

В назначенный час мы прибыли в ресторан. Мистер Блюм ждал нас в вестибюле.

— Столик заказан. Моя супруга уже здесь и ждет нас, — сообщил он нам шепотом заговорщика.

Очаровательная супруга оказалась пожилой тощей дамой, измученной диетой, о которой она все время говорила. Она ограничилась каким-то салатом, а нам были рекомендованы довольно обычные блюда: паста с креветками, паста с пармезаном, паста с цыпленком и т. д. Ограниченное меню соответствовало убожеству оформления самого ресторана. Принесли вино, о котором мистер Блюм не преминул заметить, что его присылают из специальных подвалов из Италии. Оно было кислым, как уксус. Разговор с отощавшей служительницей правопорядка почему-то не клеился. Она с голодухи быстро расправилась со своим салатом и жадно поглядывала в наши тарелки.

— Мне пришла в голову блестящая идея, — провозгласил мистер Блюм, поднимая очередной бокал. — Вы напишете портрет миссис Блюм. Я сам закажу для него раму и повешу его в своем офисе. Под портретом будет прибита табличка с указанием автора. Таким образом, вы совсем бесплатно получите отличную рекламу.

Миссис Блюм молчала, неприветливо глядя на него.

— Я понимаю, дорогая, что ты очень занята, но мы не заберем у тебя много времени. Александр — хороший художник, я дам ему твои фотографии, и он сможет написать портрет.

Не видя большого восторга с моей стороны, мистер Блюм решил смягчить ситуацию.

— Ну, об этом мы поговорим как-нибудь потом. А в первую очередь мы займемся вашими картинами. Для этого мне нужно будет составить с вами договор. Как только он будет готов, я приглашу вас в свой офис.

Через неделю мы оказались в приемной офиса мистера Блюма. Все было весьма чинно. Оформление приемной подчеркивало разносторонность взглядов хозяина. На стенах висели японские гравюры Хокусаи и Харунобу в отличных рамах вперемешку с различными дипломами шефа. На столе лежал пудовый том французских импрессионистов, на полках —

журналы «Vanity Fair». После звонка девицы, сидящей на desk, прошло около получаса. Таков уж ритуал (все hard working). После этого хозяин вышел к нам и галантно пригласил в свой кабинет. Мы уселись в мягкие кресла, и он положил перед нами довольно объемистую распечатку. Наверху первой страницы золотом было напечатано:

LAW OFFICES LEO N. BLUM Attorney at Law

Ниже разместился заголовок, выполненный витиеватыми готическими буквами

ARTIST'S REPRESENTATION AGREEMENT

Это был наш договор. Все выглядело весьма солидно. В договоре было много страниц и много разделов. В конце я должен был поставить свою подпись. Мистер Блум уже его подписал. Мы засели читать это произведение.

— Давайте я вам помогу, — сказал сердобольный хозяин. — Во-первых, вот срок договора — 5 лет, меньше, как правило, не делают. Во-вторых, вот мои комиссионные — 35 %, меньше никто не берет. Зато посмотрите раздел «Representative Services»: здесь я обеспечиваю и связь с галереями, и провожу консультации, и организовываю выставки, и даю рекламу, и готовлю биографию, и занимаюсь маркетингом, и т. д. и т. д.

— А что же на остальных тридцати страницах? — допытывались мы.

— Вы все равно ничего в этом не поймете. Это специфичный юридический язык, который понимают только юристы. Но это необходимая формальность, которую нужно было написать в ваших же интересах. Так что подписывайте, и, как говорится, — за работу.

— Мы должны предварительно все прочесть, так что экземпляр договора мы забираем с собой. У нас есть довольно сомнительный experience (опыт).

— Почему Алекс нервничает? Take it easy, Алекс. Вам все эти юридические тонкости ни к чему. Возьмите домой, если хотите, подпишите и пришлите мне по почте. Я просто не хотел усложнять вам жизнь.

Возвратясь домой, мы углубились в произведение нашего благодетеля, узнали из него много нового и были приятно удивлены. Во-первых, он нам сказал правду, что его доля в проданных картинах всего 35 %. Но он просто «забыл» добавить, что на 15-й странице указывается, что эта цифра распространяется только на первые полгода. После этого его процент вырастает до 60. Во-вторых он, оказывается, получает эксклюзивное право на все мои работы, и, независимо от того — им или мною, или кем-нибудь другим они будут проданы, он всегда будет отбирать свои 60 %, и, в-третьих, что особенно меня изумило, эта эксклюзивность

распространялась на все виды моей деятельности. То есть, что бы я ни делал: скульптуру, публикации, книги, декоративные поделки и ювелирные изделия (откуда он только узнал, что я делал модели для ювелиров), он все равно будет отбирать у меня свою 60-процентную дань. Я представил себе лицо ювелирного мастера, для которого я вырезал из воска модели и портреты, когда к нему явится незнакомый дядя и потребует ни за что 60 % стоимости его продукции.

Через пару дней он позвонил.

— How are you, Alex! Рад вас слышать. Надеюсь, вы уже отправили подписанный договор?

— Нет. Мы с ним не согласны.

— Но почему?

Я объяснил, с чем мы не согласны, и что следует переделать.

— Это же пустая формальность! Мы всегда с вами сможем договориться об этих деталях по ходу дела.

— Кроме всего, я хочу вам сказать, что право на свои 35 % вы получите только за те картины, которые вы продадите.

Он как-то сразу сник. Я понял, что он вообще не собирался ничего делать, только следить за моей деятельностью и стричь купоны. Я добавил:

— Так что переделайте договор, и мы его подпишем.

Больше он не звонил. Так бесславно окончилось мое сотрудничество с третьим representative. Где искать новых агентов, я не знал. С друзьями в эмиграции всегда бывает скудно. Я вспоминал киевские контакты, когда с помощью приятелей можно было связаться с половиной города. Особенно приятно было вспомнить о КУПЕ.

ПРАСКОВЕЕВСКАЯ ЩЕЛЬ

Работал в нашей мастерской один конструктор. Звали его Гарик. Достался он мне в наследство от сбежавшего ГАПа. Особенной усидчивостью, он не отличался. Однажды после длительного его отсутствия я поинтересовался:

— Гарик, где ты пропадал?

— Я общался с Шиком.

— Я за тебя очень рад. Но я спрашиваю, не как ты общался, а где ты пропадал.

— А я и говорю, что беседовал с Шиком. Шик — это фамилия. Это мой приятель Митя.

— Митя, говоришь?

— Вообще-то он не Митя, а Игорь.

— Что за путаница? И кто же он — этот Митя-Игорь?

— Он директор.

— Директор чего?

— Директор КУПЫ.

— Что это еще за Купа — Киевское управление православных адвентистов?

— Нет. КУПА это КУПА.

Это интриговало. Через пару дней я познакомился с молодым, очень подвижным и остроумным человеком — Митей-Игорем — директором и попробовал выяснить, что такое КУПА. Киевские ребята, отправившиеся на поиски вузовского диплома в Полтаву и поступившие там в строительный институт, жили очень дружно. Когда появились первые магнитофоны, мало кто из них мог позволить себе такую покупку. Они объединили свои скудные студенческие средства и купили магнитофон, который назвали КУПА — куплен на паях. Впоследствии к ним примкнули другие студенты, и появилась целая организация — КУПА. Здесь все было очень серьезно. Строгая дисциплина в вопросах взаимопомощи. Все должности выборные: директор, казначей, ревизионная комиссия, руководитель оппозиции и сама оппозиция, которая поднималась на дыбы при любых предложениях основного руководства. В общем, все как в многопартийном парламенте.

В дальнейшем вокруг КУПЫ сгруппировалось много ребят, которых связывала дружба, развлечения, взаимовыручка и, естественно, всякие скандальные ситуации. Мы подружились.

Приятеля, не вошедшие в КУПУ, тоже объединились, и, по принципу реорганизованной академии, избрали своих академиков-фундаторов. В их число попали и мы с великолепным Володей Набойченко, который занимал высокие посты и всегда рвался на помощь приятелям.

КУПА устраивала пышные юбилеи 8 марта. С КУПОЙ мы встречали новогодние праздники. Один из них проходил в абсолютно пустой квартире, которую только что купил один из куповцев. Стол был накрыт прямо на полу, все оформление было сделано за час до Нового года, но было очень весело. Обязательным условием для всех был карнавальный костюм. Я был пиратом в огромном рыжем парике, черных лосинах, сапогах, рваной рубаше с большим «веселым роджером» на шее и большим декоративным ножом за поясом. Этот костюм сослужил мне необычную службу в дальнейшем. На очередной Новый год к нам пришли наши польские приятели с двумя детками — 3 и 6 лет. Я надел этот костюм, думая развеселить ребят. Младший, Пшемек, тут же оконфузился от страха. Он сообщил, что как только увидел меня, «оно само побежало». Потом он, правда, быстро пришел в себя, и дразнил меня: «Пират, пират упал в салат». Когда же стало жарко, и я снял парик, он вцепился двумя руками в мою бороду с криком: «А тераз броду здейми».

...Я сказал Мите, что мы со Светой решили расписаться, и он предложил вариант:

— Мы на вашей свадьбе не сможем быть, так как все уезжаем в Прасковеевскую щель. А вы, как только распишетесь, приезжайте к нам. Там и отметим это мероприятие.

— А что это за щель такая?

— Ее найти очень просто. Самолетом до Новороссийска, оттуда катером до Геленджика, из него катером до Джанхота, а там рукой подать — вдоль берега километра два-три будет скала «Парус», за ней Прасковеевская щель, и вы с нами. Там кроме нас почти никого не будет, так как там нет ни еды, ни основ цивилизации.

Комфорт малопривлекательный, но молодость тянется к романтике. Мы со Светой отправили палатку и одеяла в Новороссийск, а сами сели на пароход до Херсона. Из Херсона на теплоходе мы приплыли в Одессу, где у Светы, якобы, были родственники. Но таковых не оказалось. Я уже начал замечать, что Света склонна, мягко говоря, фантазировать. Переночевав на креслах в аэропорту, мы взяли палубные билеты на теплоход до Новороссийска. Погода была хорошая, на палубе было много одесских ребят, на теплоходе работали бары, так что две полубессонные ночи прошли довольно легко.

В Новороссийске мы получили свои посылки с палаткой, матрацами и одеялами, и отправились на пристань на такси. В Джанхоте мы навьючили на себя весь свой скарб и поняли, что добираться по скалистому берегу с таким грузом мы не сможем. Дело шло к вечеру, солнце садилось, берег был пустынным, настроение стало резко падать. Через полчаса мы перешли на сменновахтенный метод перемещения. Я со Светой переносил часть поклажи на 100 метров и возвращался назад за новым грузом, оставив ее на стреме. Приходилось делать по три ходки вместо одной.

Солнце приблизилось к горизонту, когда мы уткнулись в отвесный утес, выходящий в море и, действительно, похожий на парус. Дальше пути не было. Это был тупик.

О возвращении назад мы и думать не могли. Света сидела, нахохлившись, на наших тюках и чемоданах, а я пытался придумать, как можно будет поставить палатку на узкой каменистой полосе. Настроение было мрачное, перспектива — неопределенная. Разворачивая палатку, я поднял голову, и тут в наступающем мраке, на верхушке утеса увидел человеческую фигурку. Я стал прыгать и кричать, как человек, потерпевший кораблекрушение. Нас заметили. Через десять минут к нам уже спешили по едва различимым уступам человек пять куповцев.

Встреча была грандиозной. Лагерь из восьми палаток был увешан плакатами в нашу честь, мясо жарилось на углях, кухоль с молодым вином ходил по рукам. В установке палатки и прочем благоустройстве нам даже не разрешили принять участие.

На следующий день мы включились в общую активную жизнь Прасковеевской щели. Море было рядом, так что большую часть времени мы проводили на берегу. Каждый вечер назначались дежурные на следующий день: носильщики, которые отправлялись вверх на гору, в греческую деревню Прасковеевка за хлебом, вином, овощами и консервами; повара (эта должность для избранных) и «костраты», ответственные за поддержание огня в костре и доставку хвороста (это общая повинность).

На склонах ущелья росли виноградники с удивительно вкусными и ароматными ягодами. Но они принадлежали пограничникам, находившимся в ущелье, которые ревностно относились к своему урожаю. Они были оснащены полевыми биноклями и засекали малейшую возможность посягательства на свое добро. Два поползновения были зафиксированы, и ребята были предупреждены, что в случае третьего нарушения КУПА будет выселена в 24 часа. Пользоваться плодами урожая можно было только ночью, в полном мраке, что было

весьма сложно. Мы появились в лагере после второго предупреждения. Для установления нормальных дипломатических отношений была отправлена к пограничникам делегация в составе трех человек, туда вошел и я.

Мы принесли глубочайшие извинения за наших неосознательных друзей, посетовали на трудную жизнь пограничников и убогое оформление их заставы. Я был представлен как художник, и тут же поступили слезные просьбы на стенгазету и стенд. Заказы были выполнены и статус-кво восстановлен.

Недалеко располагался пансионат Академии наук, но они нас почему-то боялись. Наш беззаботный растительный образ жизни порождал стремление к какой-либо деятельности. Поэтому во всех своих начинаниях я всегда получал помощников. Окончив стенгазету и стенд, я вырубил и раскрасил огромного татема при входе в наш лагерь из рухнувшего когда-то дерева. Покончив с татемом, я соорудил большие наземные солнечные часы. Одичавшие академики прибегали сверять по ним время. Вслед за часами я сделал пятиметровый купол Фуллера из тростника, на который набросил простыни и получил навес от солнца. После этого у нас уже появились седовласые академические сотрудники, тоже

томившиеся от безделья и заинтересованные нашей деятельностью.

Но самый большой интерес у наших ученых соседей вызвала моя последняя работа.



К нам приблудилась симпатичная черепаха. Мы назвали ее Дунькой. Она реагировала на свое имя, и на крик «Дунька» поворачивалась и ползла к нам. Мы ее подкармливали всякими травками и молоком из стуженки. Для того, чтобы она не сбежала, мы просверлили в ее панцире тоненькую дырочку и привязали ее на длинном шнурке. После этого я выкрасил яркими темперными красками квадратики на ее панцире. Они немного пожухли и приняли натуральный вид.

— До чего же природа многообразна, — восклицали ученые, фотографируя нашу Дуньку, которую мы представили, как восьмое чудо света.

— Эта окраска ненатуральная, — говорили скептики.

— Ну что вы, — обижались мы. — Это уникальная черепаха. Даже русский язык понимает.

Когда мы демонстрировали ее реакцию на слово «Дунька», даже самые консервативно настроенные ученые открывали рты и просили ее продать. Перед отъездом мы ее помыли и отпустили на все четыре стороны.

Две недели пролетели как один день, и вот мы снова на палубе теплохода возвращаемся из Новороссийска в Одессу. Из Одессы в тот же вечер мы выехали поездом.

Я с нетерпением ждал возвращения. Перед отъездом я получил заказ на конкурсный проект монумента погибшим в Бабьем Яру. Кроме того, что эта работа была весьма почетной, я к ней относился как к своему долгу, так как мои родственники погибли там в сентябре 1941-го. Многие не верили в то, что памятник будет построен, и, как показало время, они были правы. В Киеве с памятниками почему-то всегда было много проблем.

ПАРУ МОМЕНТОВ ИЗ ЖИЗНИ МОНУМЕНТОВ

Неприятности с памятниками и монументами начались в Киеве довольно давно, и у меня эта тема всегда вызывала жгучий интерес.

Что касается позапрошлого века, то следует отдать должное мастерам, создававшим такие известные памятники, как Владимиру (скульпторы Демут-Малиновский, Клодт, арх. Тон), Богдану Хмельницкому (скульптор Микешин), Бобринскому (Шредер, Монигетти), Николаю I (Чижов, Николаев) и т. д. Начало прошлого века в этом отношении было не очень удачным: бесплодные конкурсы на памятники, о которых много писалось в журнале «Аполлон». Я не видел этих конкурсных проектов, но «Аполлону» не доверял. Киев они называли глубокой провинцией и относились к работе киевских архитекторов и скульпторов с большим пренебрежением столичных снобов. Лукомский, например, пишет в «Архитектурной летописи»:

«...Безусловно следует приглашать туда (в Киев) для более или менее ответственных сооружений архитекторов из Санкт-Петербурга и Москвы. Иначе дурной пример налицо. В Киеве воздвигнуто домашними средствами (имена — Бог с ними) у Царского сада, близ музея, большое здание Публичной библиотеки — и оно не послужило к украшению города; рядом с ней даже только «приличное» здание музея в греческом стиле (несмотря на бутафорские скульптуры) кажется благородным; новая библиотека ненамного отличается по своему виду от соседнего

Купеческого собрания. Есть пошлость «академического» привкуса в самом строительном приеме — испорченного французского Louis XVI. Избитый «Pavilion...»

Я читал эти строки с большим возмущением. Взять и облить грязью сразу три дорогих нам с самого детства здания — Музей украинского искусства — В.В. Городецкого, Колонный зал Киевской филармонии (Купеческое собрание) В.Н. Николаева, Республиканскую библиотеку Э.Л. Клаве. Сколько приятных часов было нами проведено в этих зданиях, и никто из нас не обратил внимания на «скверные пропорции и дурной рисунок» картушей и капителей и на «отвратительно вытесанные балясины». Мне казалось, что дурной вкус виден был не в балясинах, а в этих статьях. Тем более что этот период в Киеве знаменателен такими именами, как Васнецов, Врубель, Прахов, Мурашко, Городецкий и многие другие.

Хотя, естественно, в это время были и казусы. И это опять-таки связано с памятниками. В это же время в Санкт-Петербурге были выполнены и отлиты в бронзе фигуры двух великих русских композиторов — Серова и Глинки. Их решено было поставить перед Мариинским театром. Однако сын Александра Николаевича Серова — академик Императорской Академии художеств Валентин

Серов подал прошение на имя государя-императора, в котором говорилось, что вышеозначенная фигура позорит имя его отца и идет вразрез с традициями русской монументальной скульптуры. В связи с этим он просил не выставлять указанные скульптуры на всеобщее обозрение. Его просьба была удовлетворена.

Будучи в это время в Санкт-Петербурге, киевский губернатор, прознав о случившемся, обратился в царскую канцелярию с прошением, в котором он писал, что Санкт-Петербург, весьма богатый на памятники, может себе позволить отказаться от некоторых из них, между тем как древний город Киев испытывает острую нужду в памятниках. В связи с этим он просит передать безвозмездно в дар городу Киеву две бронзовые статуи композиторов. Просьба была удовлетворена. Глинка и Серов спецвагоном благополучно прибыли в Киев. После недолгих дебатов скульптуры решили поставить перед Оперным театром. В связи с отсутствием дополнительных средств, в качестве пьедесталов использовали вентиляционные тумбы, стоящие перед театром.

Все, быть может, так бы и сошло, но тут в газете «Киевлянин» появился фельетон.

«Наконец-то мы научились, — писалось в нем, — украшать бытовые и хозяйственные

постройки: вентиляционные тумбы, сараи, общественные туалеты. На них просто следует устанавливать бронзовые скульптуры российских композиторов...»

После этого оставлять статуи на тумбах было неудобно, и их решили переместить в арочные проемы на главном фасаде оперы. Но они не помещались там по высоте — пришлось бы подрубить баллюстраду. После этого появился второй фельетон в «Киевлянине», в котором, в частности, писалось, «...а ежели скульптура не помещается в нише, то лучше всего подрубить ей ноги, т. к. голова композитору необходима для сочинения музыки, и по ней можно определить, какой именно этот композитор, между тем как без ног он может и обойтись...» После всего, дабы избежать позора, скульптуры сняли и отвезли в Царский сад (Первомайский парк). Их надраили до самоварного блеска и просто воткнули в землю. Так они и простояли некоторое время, приводя в ужас своим языческим видом правоверных киевлян, идущих на богомолье в Киево-Печерскую лавру.

Площадка перед Оперным театром оказалась сакраментальной для памятников на долгие годы. В 1962 году решили установить перед Оперой памятник Пушкину. Заказ получил известный скульптор М.Г. Лысенко. Скульптура была отлита, установлен пьедестал, и тут опять появилась статья.

Правда, на этот раз не в «Киевлянине», а в «Вечернем Киеве». В ней был поставлен вопрос ребром, почему перед украинским Оперным театром должен стоять памятник поэту — деятелю русской культуры.

Два года Министерство культуры не могло принять решения. Пьедестал стоял беспризорным. На него иногда взбирались нетрезвые молодые люди и фотографировались на память. Наконец решение было принято: скульптору А.Ковалеву заказали памятник композитору Лысенко. Памятник был открыт 29 декабря 1965 г. В газете «Советская культура» можно было прочитать: «Еще одно интересное событие произошло в городе. Под бой литавров и полнейшее недоумение публики был открыт странный памятник...»

В. Касиян — председатель Союза художников разразился открытым письмом, в котором обвинил газету в нападках на украинских художников, в то время как они (художники) готовят творческий отчет к 50-летию Советской власти. В редакционном ответе ему напомнили, что 53-й год уже давно прошел.

Эпопея площади перед Оперным театром завершилась, когда в центральную арку на фасаде вновь отреставрированного театра вставили бюст Шевченко. Правда, правление Союза архитекторов

приняло решение его убрать, как немасштабный, но никто на это не отреагировал.

В мае 1919 года Совнарком УССР принял декрет «О сношении с площадей и улиц памятников, сооруженных царям и царским слугам». Началось массовое уничтожение памятников, украшавших город. Одновременно с этим началось создание новых памятников. На многострадальной площадке перед оперой установили бюст Карла Либкнехта, на Думской площади на месте памятника Столыпину установили памятник Карлу Марксу. Вот что пишет о нем В.П. Некрасов: «Столыпина свергли... а на его место поставили Карла Маркса. Он высился, вернее, верхняя его половина, от пояса, на двух кубах... Одна его рука была заправлена за борт то ли фрака, то ли пиджака, другой, по-моему, вовсе не было». Он просуществовал до 1933 года. Вообще, установка новых памятников на старых местах, даже с использованием пьедесталов, стала нормой. Шевченко занял место Николая I, вместо графа Бобринского появился командарм Щорс. Вот как о нем пишет историк А. Анисимов: «В 1954 году место графа занял грозный всадник Николай Щорс, скачущий на вокзал, но по дороге остановившийся, чтобы купить билет в здании Центральных железнодорожных касс, на которые указывает простертой дланью».

Небезынтересна история памятников Киева, сооруженных в наше время.

В 1965 году одновременно с конкурсом на мемориал в Бабьем Яру был объявлен конкурс на памятник Октябрьской революции. По результатам конкурса проект разрабатывали скульпторы В. Бородай, В. Зноба, И. Зноба, архитекторы А. Малиновский, Н. Скибицкий и А. Игнащенко. Перед заключительным этапом был изготовлен макет в натуральную величину из фанеры.

Установили его на площади Калинина (бывшей Думской, ныне площади Независимости). Всем желающим было предложено высказаться. Но никто не мог сказать ничего хорошего. Отзывы не отличались разнообразием: ложный пафос, надуманность, эклектика. Тем не менее В. Бородай проявил достаточную изворотливость. Он поблагодарил через центральную прессу всех, кто принял участие в обсуждении, и пообещал, что все замечания будут приняты.

Монумент открывали 22 октября 1977 г. Перед этим прибыла правительственная комиссия, в состав которой пригласили академика Евгения Ивановича Катонина — моего шефа. Он-то и поведал мне эту странную историю.

— Мне позвонил начальник строительного отдела ЦК, любезно попросил принять участие в просмотре почти законченного памятника

Революции. Я согласился. За мной прислали машину и инструктора, привезли на Институтскую. После просмотра монумента меня попросили высказаться. Я сказал, что знаю Василия Захаровича как отличного скульптора, что памятник мне нравится, и, когда расчистят площадку и уберут ненужные фигуры солдата, матроса и еще там кого-то, он будет смотреться совсем хорошо. Наступила тишина. И тут один из больших начальников пробурчал: «Совсем не подготовили академика. Эти фигуры и есть часть памятника, как вы этого не понимаете?» Я пытался возразить, что они что-то путают, что это другой стиль, другой масштаб, что они выпадают из композиции. Но меня больше не слушали. «Спасибо, Евгений Иванович. Отвезите академика домой».

Один из авторов — Анатолий Игнащенко, придерживавшийся такой же точки зрения, был изгнан из бригады постфактум, а его фамилию, вырубленную у основания в списке авторов, тщательно заделывали каменотесы. Позднее этот памятник демонтировали, остался лишь фрагмент пьедестала, а в дальнейшем и его убрали.

В начале 70-х годов в Киев приехал «придворный» скульптор Е. Вучетич. После окончания мемориала в Волгограде, он обратил свой светлый взор на Киев.



Встреча с ним художественной общественности Киева проходила в Доме художника, тогда еще расположенном на площади Калинина. Он рассказал о своей идее мемориального комплекса, посвященного Отечественной войне. Это была гигантская фигура Родины-матери, высотой до 100 метров и водный каскад до самого Днепра со скульптурными группами.

— А как же лавра? — спросил его один искусствовед.

— А чтобы лавра нам не мешала, мы облицуем фигуру листовым золотом.

— А как же знаменитые архитектурные ансамбли на Днепровских склонах?

— Не переживайте. У нас будет свой ансамбль. Зато мы дадим работу с приличным вознаграждением всем киевским скульпторам.

Эта мысль произвела на скульпторов благоприятное впечатление.

... Вучетич умер, но его гигантомантская идея продолжала развиваться. Долго выбирали материал

для «Родины-матери» скульпторы В. Бородай и Ф. Сагоян. Фигура имела высоту 69 метров. Ее модель в 1:10 натуральной величины не помещалась ни в одной мастерской. Ее разместили в подворье Выдубецкого монастыря. Наконец остановились на листах анодированной стали, однако они начали ржаветь под анодировкой еще до монтажа. Тогда решили применить титан, но Москва отказала в нем, поскольку это стратегический материал. После долгих консультаций остановились на листах нержавеющей стали. Скульптура из-за своих огромных размеров не поддавалась доводке. Поэтому ее лицо производит странное впечатление: в фас — оно имеет форму женского, а в профиль оно стало почему-то похожим на Пушкина. При разработке фигуры удалось учесть печальный опыт Волгоградской мадонны, у которой от гигантской нагрузки у основания руки образовалась трещина. Рука с мечом поднята вверх.

Инженерные сложности были очень велики, так как огромная фигура, кроме всего, попала в оползневую зону, и работа на стройке была напряженной. На стройплощадку явился заместитель председателя Совмина Украины Тронько, устроил разнос и спросил:

— Кто тут есть из проектантов?

— Я, — раздался робкий голос, — главный инженер Проектстальконструкции Лысенко. Но мы

к подземным работам не имеем никакого отношения.

— Ах так! Вы уже не главный инженер. Вы уволены!

Говорили, что Лысенко прямо со стройки попал в Павловскую больницу.

Эта неприятность, связанная с проектированием монументов, у института была не единственной. Институт разрабатывал проект обелиска в Корсунь-Шевченковском. Обелиск в честь знаменитой битвы был сооружен, и все готовились к его открытию. И вот, накануне торжеств (слава Богу, ночью) обелиск рухнул. Началось расследование. Как раз в это время открылась выставка моего соратника, замечательного скульптора Инны Антоновны Коломиец. Банкет по этому поводу проходил в ресторане «Динамо». В этом же зале проходил банкет автодорожного института. Вечер мы закончили у меня дома с корифеями КАДИ — профессором Лифшицем и доцентом Карсницким. Лифшиц был в комиссии по аварии этого обелиска, и вот что он рассказал:

— Вызвал нас секретарь ЦК Шелест и сказал: «Найдите виновных. Мне надоели эти аварии. Пора наказывать». Мы написали решение комиссии, в котором говорилось, что виноваты частично проектировщики, частично монтажники, немного